

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПОВЕСТИ Л. АНДРЕЕВА «ИУДА ИСКАРИОТ» В КОНТЕКСТЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ОБРАЗНОЙ ТКАНИ ПРОИЗВЕДЕНИЯ И СОВРЕМЕННОЙ КРИТИКИ

священник Родион Маргаринт

студент магистратуры Московской духовной академии,
141300, Сергиев Посад, Троице-Сергиева лавра, Академия
alenazzv@gmail.com

Для цитирования: *Маргаринт, Р., свящ.* Интерпретация повести Л. Андреева «Иуда Искариот» в контексте исследования образной ткани произведения и современной критики // Слово и образ. Вопросы изучения христианского литературного наследия. 2022. № 2 (7). С. 54–65. DOI: 10.31802/WI.2022.7.2.005

Аннотация

УДК 82.091

В данной статье предпринята попытка анализа повести Л. Андреева «Иуда Искариот» на предмет наличия в тексте лейтмотивных синтаксических и образных конструкций, которые приближают читателя к пониманию авторского замысла. Кроме этого, также рассмотрены научные статьи, где исследуется творческое наследие Л. Андреева, а точнее повесть «Иуда Искариот», в попытках ответить на вопросы: «Почему писатель обращается к библейскому образу Иуды Искариота?» и «На что хотел автор указать в контексте замысла художественного произведения?»

Ключевые слова: Иуда Искариот, Л. Андреев, повесть, авторская позиция, библейский образ.

Interpretation of the Story «Judas Iscariot» by L. Andreev in the Context of the Study of its Figurative Imagery and Modern Criticism

Priest Rodion Margarint

MA student at the Moscow Theological Academy

Holy Trinity-St. Sergius Lavra, 141300 Sergiev Posad, Russia

alenazzzv@gmail.com

For citation: Margarint, Rodion, priest. "Interpretation of the story "Judas Iscariot" by L. Andreev in the Context of the Study of its Figurative Imagery and Modern Criticism". *Word and Image: Questions of Studying the Christian Literary Heritage*, № 2 (7), 2022, pp. 54–65 (in Russian). DOI: 10.31802/WI.2022.7.2.005

Abstract. This article attempts to analyze L. Andreev's story «Judas Iscariot» on the subject of the leitmotif syntactic and figurative constructions that bring the reader closer to understanding of the author's intention. In addition, the paper considers academic articles which explore the creative heritage of L. Andreev, or rather the story «Judas Iscariot» in order to answer the questions: "Why does the writer turn to the biblical image of Judas Iscariot?" and "What did the author want to point out in the context of the intention of this work?".

Key words: Judas Iscariot, L. Andreev, story, author's position, biblical image.

К библейскому образу Иуды Искариота обращалось большое количество писателей и поэтов, среди которых А. Данте, Ж. Саррамаго, Н. Мейлер, Братья Стругацкие, и др. У каждого из творцов присутствует своя интерпретация и соответствующая ей образная ткань произведений.

В данной статье не будут рассматриваться взгляды на образ Иуды всех или хотя бы большинства писателей. Задача статьи — через анализ образной ткани повести «Иуда Искариот»¹ понять, почему автор обращался к тем или иным художественным средствам и для какой цели? Также в контексте данной формулировки рассмотрим некоторые интерпретации авторской позиции в научных работах исследователей творчества Л. Андреева.

Знакомясь с повестью «Иуда Искариот», нельзя не обратить внимание на то, как писатель излагает свою мысль, на его синтаксис и тропы. Приглядимся и рассмотрим их более подробно.

Всё художественное произведение состоит из описательных конструкций, в числе которых непрерывное перечисление фактов, деталей и различных явлений, что создает впечатление «достоевского потока», где сливаются мысль и образ, являя фантазмагорию самобытного текста. «Он был худощав, хорошего роста, почти такого же, как Иисус, который слегка сутулился от привычки думать при ходьбе и от этого казался ниже; и достаточно крепок силою был он, по-видимому, но зачем-то притворялся хилым и болезненным и голос имел переменчивый: то мужественный и сильный, то крикливый, как у старой женщины, ругающей мужа, досадно-жидкий и неприятный для слуха; и часто слова Иуды хотелось вытащить из своих ушей, как гнилые, шероховатые занозы»².

Обращаясь к противопоставлению, которое читатель встретит на протяжении всей повести, автор, с одной стороны, представляет некрасивый и даже уродливый образ Иуды, с другой, указывает на его «превосходящие свойства» относительно прочих учеников Христа (крепко силою, крикливый, мужественный голос и пр.). Л. Андреев также постоянно проводит сравнение Иуды с другим героем повести — Христом. Однако для чего писатель их сравнивает? Очевидно, для того, чтобы фокус внимания зрителя всегда оставался на двух фигурах повести — Христе, как светлом начале, и Иуде, как его антагонисте.

1 Под образной тканью необходимо понимать те художественные приемы и фигуры речи, к которым прибегает Л. Андреев (прим. автора статьи).

2 Андреев Л. Н. Иуда Искариот // Андреев Л. Н. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2: Рассказы. Пьесы. 1904–1907 / ред. И. Г. Андреева, Ю. Н. Верченко, В. Н. Чуваков. М., 1990. С. 212.

Наряду с противопоставлением Л. Андреев нередко прибегает к таким художественным формообразованиям, как гротеск («и необыкновенной формы его черепа: точно разрубленный с затылка двойным ударом меча и вновь составленный»³), а также к другой стилистической фигуре, родственной вышеназванному художественному приему, — гиперболе («Разве есть кто-нибудь сильнее Петра? Когда он кричит, все ослы в Иерусалиме думают, что пришел их Мессия, и тоже поднимают крик»⁴). В результате чего у читателя создается впечатление карикатурности и намеренной преувеличенной угловатости в художественном пространстве произведения. Обращаясь к вышеупомянутым художественным средствам, Л. Андреев вводит читателя в свой мир страшной парадоксальности и переосмысления устоявшихся взглядов на художественное воспроизведение окружающей реальности и традиционную религиозность, что было характерно для эпохи двадцатого столетия — времени модерна.

Так, как было отмечено выше, Л. Андреев остро чувствовал перемены, которые происходили в начале двадцатого века. Исследователь творчества писателя Г. Н. Боева в статье «Творчество Леонида Андреева как явление модерна: к постановке проблемы» относит творчество Л. Андреева к эпохе модерна, как всеобъемлющему явлению, проникающему во все сферы жизни людей. Своим синтезированием противопоставления с гротеском и гиперболой, заправляя все вышеперечисленное оригинальными эпитетами и неожиданными метафорами в повествовательных произведениях, Л. Андреев вольно или невольно стал восприниматься провозвестником наступающих художественной и исторической реальностей. «Эта особенность творчества Андреева интерпретируется как одна из характеристик модерна <...> Возникнув в переходное, кризисное время рубежа веков, модерн выразил многие противоречия эпохи и в своем стремлении к синтезу совместил противоположные, часто взаимоисключающие тенденции»⁵.

С другой стороны, если допустить, что писатель совмещал противопоставление, гротеск и гиперболу как основные художественные приемы в повести намеренно, то возникают следующие вопросы: почему автор обратился именно к образу Иуды и что Л. Андреев хотел донести до читателя? Чтобы найти ответы на поставленные вопросы, обратимся к содержаниям некоторых научных статей, на которые автор

3 Там же. С. 212.

4 Там же. С. 223.

5 См.: Боева Г. Н. Творчество Леонида Андреева и эпоха модерна. СПб., 2016. С. 13.

данной статьи ссылается в своей дипломной работе, а также к некоторым другим источникам.

Отвечая на первый вопрос (об обращении автора к образу Иуды), стоит, во-первых, отметить, что желанию Л. Андреева разрушить мораль, нравственность, религиозность и любовь, о чем писатель упоминает в ранних дневниковых записях⁶, более чем соответствует псевдореабилитация образа Иуды-предателя. «Л. Андреев реабилитирует Иуду в глазах читателей. Предательство перестает восприниматься как измена ради личных интересов. Мы иначе воспринимаем душевные терзания героя и готовность к жертве ради Христа»⁷. Во-вторых, повесть «Иуда Искариот» была опубликована в 1907 году, тогда как в 1905 г. вспыхнула первая русская революция, что не могло не отразиться на творчестве Л. Андреева, как писателя, постоянно сконцентрированного на проблемах своего времени, в чем неоднократно его обвиняли коллеги по цеху⁸. Оказавшись очевидцем того, как постепенно перед ним рушится Российская Империя — физическая и духовная реальность того, где он родился, Л. Андреев, очевидно, как писатель предчувствовал трагические потрясения, ожидающие страну в будущем, и выразил это через темы и образную ткань в художественных произведениях. Особенно примечателен в данном контексте его рассказ «Красный смех». Повесть «Иуда Искариот» в данном случае ярко иллюстрирует оправдание убийства преследованием великих целей.

Отвечая на второй вопрос (об авторской интенции), можно вспомнить, что существуют исследования, где литературоведами проводится параллель между произведениями Л. Андреева и Ф. М. Достоевского. Так, по мнению В. К. Касаткиной, Л. Андреев в повести 1907 г. поднимает проблему «подпольного человека», выставляя перед читателем тип замкнутого, злого, мечтающего о силе и власти над окружающими людьми, «маленького человека», не нуждающегося в Боге, поскольку, по его мнению, он и есть Бог — не только своей судьбы, но и целых народов. Именно такой тип героя в начале XX века был у власти. «Л. Н. Андреев привносит в образ “подпольного героя”: ницшеанскую гордость сверхчеловека, проблему свободы воли, ощущение вселенского одиночества в мире без Бога, <...> то есть все те аспекты творчества

6 Цит. по: *Брусянин В. В.* Леонид Андреев. Жизнь и творчество. М., 1912. С. 55.

7 *Махина В. В.* Особенности создания образа Иуды в повести Леонида Андреева «Иуда Искариот» // Формирование профессиональной компетентности филолога в поликультурной образовательной среде. Материалы I Международной научно-практической конференции / ред. И. Б. Каменской. Симферополь, 2018. С. 227.

8 См.: *Боева Г. Н.* Творчество Леонида Андреева и эпоха модерна. С. 181.

Достоевского, которые привлекли наибольшее внимание философов и писателей Серебряного века»⁹.

Примечательно в данном контексте исследование Д. В. Макарова «Искушение Василия Фивейского: концепция человека в повести Л. Н. Андреева “Жизнь Василия Фивейского”», где автор подробно рассматривает стремление главного героя о. Василия найти свет, обрести Бога. Герой уверен, что его страдания не могли быть не замечены Богом, и что Он должен непременно ответить на его мольбу. Тем самым о. Василий как бы признает себя «сверхчеловеком способным пробудить ото сна Господа». Однако неумение отличить свет от тьмы приводит его к отчаянию: «Первоначально в человеке живёт только свет (первый сын-Вася), но вследствие давления внешней тьмы (гибель Васи) и внутреннего искушения (зачатие во тьме и безумии) в храм проникает тьма (идиот-Вася), которая и разрушает начало светлое»¹⁰. Таким образом, заключает исследователь: «В повести отображена история духовно-нравственной гибели человека, неспособного различить тьму и свет, добро и зло, в условиях, когда на небесах (и внешних и внутренних) происходит затмение»¹¹.

В статье «Психология предательства (по материалам повести Л. Андреева “Иуда Искариот и другие”)» авторы выдвигают мнение, что цель написания повести в актуализации темы предательства, распространившегося тогда в среде русской интеллигенции 1907 года. Как Иуда верит в то, что смерть доброго, светлого и беззащитного в лице Иисуса Христа пробудит в каждом человеке любовь и сострадание, также и писатель Л. Андреев надеется на внутреннее возрождение русской интеллигенции. Однако неуважение к человеку, использование личности как орудия для достижения личных целей, отрицание Божественного бытия не привело к духовному возрождению русской интеллигенции. «В произведении Л. Андреева отразилась эпоха. Писатель показывает абсурдность бытия, нигилистические настроения своего времени, бросание в крайности, обесценивание человека, отношение к другому как к средству, а не как цели»¹².

9 См.: *Касаткина К. В.* Иуда Искариот Леонида Андреева как «подпольный человек» Серебряного века // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* 2014. № 5–2 (35). С. 101.

10 См.: *Макаров Д. В.* Испытание Василия Фивейского: концепция человека в повести Л. Н. Андреева «Жизнь Василия Фивейского» // *Слово и образ. Вопросы изучения христианского литературного наследия.* 2021. № 3 (5). С. 59.

11 Там же. С. 59.

12 *Кулагина Г. Н., Ячина Н. П., Икрамов А. Я.* Психология предательства (по материалам повести Л. Андреева «Иуда Искариот и другие») // *Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения.* 2012. № 24–1. С. 13–14.

В статье «Образ Иуды Искарриота в контексте канонического и апокрифического Евангелия в одноименной повести Леонида Андреева» исследователи акцентируют внимание на том, что писатель своей повестью спрашивает у читателя: «Что такое истина?» Т. е., читая повесть Л. Андреева, сложно не заметить сходство произведения с гностической литературой, если говорить о идейном наполнении, а именно об апокрифическом Евангелии от Иуды. Так, в «Евангелии от Иуды» предатель также осмысливается как человек, стоящий выше прочих апостолов, один из любимых учеников Иисуса, великая миссия которого — предать Учителя. «Ты же превзойдешь их всех, ибо человека, который носит Меня в себе, ты принесешь в жертву»¹³. Именно в этом апокрифическом тексте автор находит ответ на поставленный вопрос — абсолютной истины не существует, она двойственна. В ней одновременно может быть, как добро, так и зло; добро может оборачиваться злом, и, наоборот, зло может становиться добром. Другая явная параллель с «Евангелием от Иуды» — это эпизодическое сравнение Иудой себя с Иисусом Христом в том, что ему предстоит также пройти мучения и смерть, как его Божественному Учителю¹⁴. Иуда — вот герой, который и своей внешностью, и поступками, олицетворяет истину в повести Л. Андреева. «Если в каноническом Евангелии образ истины связывается с образом Иисуса Христа как некоего высшего идеала, к которому должно стремиться погибающее в грехах человечество, то в повести Л. Андреева истину несет Иуда, образ которого ближе к апокрифическому “Евангелию от Иуды”»¹⁵.

Иначе интерпретирует авторскую позицию Т. О. Пирогова в статье о трагической двойственности Иуды Искарриота, считая, что Л. Андреев хотел посредством соперничества Христа и Иуды, где первый выступает за истинное начало, а второй за темное и ложное, показать нравственно-философский конфликт между Человеком и Истиной. Писатель ставит перед собой задачу обнародовать идею истинно свободного человека, способного оставаться свободным и в жизни, и после смерти — таким типом героя в повести Л. Андреева является Иисус Христос, а героем-антагонистом Божественного Учителя — Иуда

13 Евангелие Иуды Искарриота // Евангелие Истины: двенадцать переводов христианских гностических писаний / пер. Д. М. Алексеева. Ростов-на-Дону, 2008. С. 197.

14 Там же. С. 192.

15 Ширванова Э. Н., Гаджиева Р. М. Образ Иуды Искарриота в контексте канонического и апокрифического Евангелия в одноименной повести Леонида Андреева // Вестник Дагестанского государственного университета. 2018. №4 (33). С. 55.

из Кариота, бросающий вызов Истине. Однако, несмотря на кажущуюся явную двойственность, героев связывает стремление к одному и тому же источнику правды — истине. Если для Иисуса все это заканчивается добровольной смертью, то для предателя — мучительным самоубийством. «Автор словно умышленно в конце произведения сливает их при описании внутреннего состояния. Разные и внешне, и по восприятию мира, и по восприятию окружающими, они являются частями одного целого, как свет не может существовать без тьмы и наоборот»¹⁶.

В. П. Крючков в труде «Русская литература XX века» видит причину обращения Л. Андреева к образу Иуды в желании выразить тот внутренний распад в современном ему обществе, который писатель чувствовал в начале XX века. «Писателя тревожил разрыв между высокими идеалами и реальными человеческими поступками, причем этот разрыв особенно заметен, когда человек попадает в кризисную жизненную ситуацию, ситуацию последнего выбора»¹⁷.

Посредством противостояния Иуды и Христа автор хотел приоткрыть глаза человеку двадцатого века на прогрессирующий разрыв между бытовым поступком и благородным идеалом, где ответственность за совершение человеческого поступка несёт Иуда, а за отставание светлого идеала — Иисус.

Также в повести иллюстрируется евангельское, а не художественное или общечеловеческое противостояние добра и зла, где Л. Андреев задается следующими вопросом: почему Иуда предал своего учителя и что движет человеком, когда тот предаёт близкого ему человека? Другими словами, В. П. Крючков находит ключ к авторскому замыслу повести Л. Андреева исключительно в сфере психологической. По его мнению, если ориентироваться на характеристику образа Иуды Искариота, предающая сторона имеет следующие внутренние качества: «мятежность и бунтарство; одиночество и отверженность; обиду, зависть и безмерную гордыню»¹⁸. Однако именно Иуда Искариот является тем человеком, который создает в повести ситуацию экзистенциального выбора человека, стоящего на границе между добром и злом,

16 См.: *Пирогова Т. О.* Мотив двойничества в повести Л. Н. Андреева «Иуда Искариот» // Научные и практические разработки в эпоху трансформаций: сборник докладов Международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 17 июля 2020 г. СПб., 2020. С. 18–24. С. 24.

17 *Крючков В. П.* Русская литература XX века: М. Булгаков, Л. Андреев, Б. Пильняк, Е. Замятин: Учебное пособие. Саратов, 2020. С. 10.

18 Там же. С. 26.

нравственностью и духовным невежеством. Одному человеку, без Бога, тяжело сделать правильный выбор, и поэтому Иуда проигрывает в конце повести, оборвав свою жизненную нить на голой осине. С такой интерпретацией согласен и другой исследователь творчества Л. Андреева — К. Д. Муратова: «Иуда — это потенциальный бунтарь, мятежник, бросающий вызов земному и вечному бытию. Эти мятежники весьма различны по своему видению мира, и мятежи их носят различную окраску, но суть их существования едина: они гибнут, но не сдаются»¹⁹.

Ссылаясь на содержание статьи «Феномен русского мещанства: отношение М. Горького и Л. Андреева», можно проявить еще одну точку зрения, отражающую авторский замысел повести Л. Андреева «Иуда Искариот». Обращаясь к образу Иуды, думая над замыслом художественного произведения, писатель ставил перед собой задачу обнажить проблему духовного мещанства, существовавшего в России в начале двадцатого века. При этом, следует отметить, что под мещанством с точки зрения Л. Андреева необходимо интерпретировать не сословие, а скорее желание общества постоянно чем-то обладать, как, например, Иуда фанатично желал овладеть расположением и любовью Христа. С таким пониманием позиции автора был согласен и современник Л. Андреева — К. Чуковский: «В новелле “Иуда Искариот и другие” в мещанственности обличается весь мир, купивший и продавший Бога: даже ученики Христовы, даже мученики, даже апостолы — мещане»²⁰. В статье «Феномен русского мещанства: отношение М. Горького и Л. Андреева» отмечается следующее: «Л. Андреев также выступал против мещанства. У него в трактовке темы мещанства гораздо меньше социальной обусловленности. Писатель пишет о мещанственности бытия»²¹.

Исследователь С. А. Демидова в статье «Человек бунтующий: экзистенциальная концепция бунта у Леонида Андреева и Альбера Камю» отмечает, что писатель через свои художественные произведения, в том числе и «Иуда Искариот», стремился обозначить и зафиксировать в литературе концепцию бунтующего человека.

Знакомство Л. Андреева с трудами и идеями Ф. Ницше и Ф. М. Достоевского безусловно повлияло на творчество автора «Иуды Искариота»

19 Муратова. К. Д. Рассказ Леонида Андреева «Полет» // Русская литература. 1997. № 2. С. 64.

20 Цит. по: Мухутдинова Т. З, Кулагина Г. Н, Ячина Н. П, Икрамов А. Я. Феномен русского мещанства: отношение м. Горького и Л. Андреева // Вестник Казанского технологического института. 2012. №9 (15). С. 309.

21 Там же. С. 309.

и определило отдельно от воли писателя авторский замысел повести. «Сочинения Андреева <...> изначально заключают в себе “мощный освободительный заряд” бунта художника-философа против действительности»²².

Используя вышеприведенную концепцию, Л. Андреев пробует зафиксировать и показать широкому читателю экзистенциальный кризис, который обозначился уже в обществе в начале XX века. Человек, находящийся на тонкой границе слов «да» и «нет», не чувствующий больше единства между собой и миром, раздвоенный как в физическом отношении (портретная характеристика Иуды), так и в духовном, каким Иуда предстает перед читателем в повести Л. Андреева.

Главный герой оказывается непохожим на остальной мир, окружающая действительность (в лице учеников Христа) не принимает его как одного из своих. Иуде, согласно концепции «бунтующего человека», свойственно восстание против целого мироздания, чувство оставленности перед лицом Божественной справедливости. «Бунтовать против “невыносимого” мироустройства, против “увиденной бессмысленности”, “непонятого и несправедливого удела человеческого”, против, наконец, “смерти Бога” будут андреевские идеологи-бунтари Сергей Петрович, Керженцев, Василий Фивейский, о. Иван, Савва, Иуда Искариот»²³ и др. Также в контексте предыдущих размышлений примечательна проведенная параллель автором статьи между идеями Л. Андреева о трагическом бунте одинокого в метафизическом отношении человека и идеями будущего французского философа, одного из основоположников направления экзистенциализма — А. Камю. Однако, если «бунтующий человек» Л. Андреева погибает в своих поисках сакральной правды, то «человек Камю» в бунте обнаруживает «сопричастность к человеческой общности». В итоге С. А. Демидова заключает: «Экзистенциальная “философия бунта” Леонида Андреева и Альбера Камю, актуальная и по сей день, есть утверждение не только бытия отдельного человека (я бунтую, следовательно, мы одиноки), но и возможной общечеловеческой солидарности, смысл которой раскрывается в знаменитом перифразе Камю: “Я бунтую, следовательно, мы существуем”»²⁴.

Таким образом, повесть «Иуда Искариот», а точнее образ Иуды, как можно увидеть из данной статьи, может пониматься по-разному,

22 Демидова. С. А. Человек бунтующий: экзистенциальная концепция бунта у Леонида Андреева и Альбера Камю // Гуманитарные исследования в восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2018. № 1 (43). С. 119.

23 Там же. С. 122.

24 Там же. С. 122.

в зависимости от желания читателя, что сближает специфику творчества Л. Андреева с открытием другого итальянского философа, У. Эко, об участии в понимании текста прежде всего самого читателя. Всё, что прочитывает человек — индивидуально, а текст не обладает априори преднамеренным смысловым расположением.

Если же рассматривать творчество Л. Андреева не с точки зрения художественной, в чём безусловно он опередил своё время, а с позиции религиозной, на что писатель без сомнений претендовал, когда работал над повестью «Иуда Искариот», то необходимо отметить, что автор пытался «перевернуть» каноническое понимание Иуды как предателя в контексте традиции Русской Православной Церкви, не ссылаясь при этом ни на какие мнения святых отцов и учителей Церкви. Такая интерпретация, пускай и достойная в художественном отношении, не может претендовать на авторитет с точки зрения подлинного понимания библейского образа Иуды Искариота.

Источники

- Андреев Л. Н. Иуда Искариот // Андреев Л. Н. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2: Рассказы. Пьесы. 1904–1907 / ред. И. Г. Андреева, Ю. Н. Верченко, В. Н. Чуваков. М.: Художественная литература, 1990.*
- Евангелие Иуды Искариота // Евангелие Истины: двенадцать переводов христианских гностических писаний / пер. Д. М. Алексева. Ростов-на-Дону, 2008.*

Литература

- Боева Г. Н. Творчество Леонида Андреева и эпоха модерна. СПб.: Петрополис, 2016.*
- Демидова С. А. Человек бунтующий: экзистенциальная концепция бунта у Леонида Андреева и Альбера Камю // Гуманитарные исследования в восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2018. № 1 (43). С. 118–123.*
- Касаткина К. В. Иуда Искариот Леонида Андреева как «подпольный человек» Серебряного века // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 5–2 (35). С. 100–102.*
- Кулагина Г. Н., Ячина Н. П., Икрамов А. Я. Психология предательства (по материалам повести Л. Андреева «Иуда Искариот и другие») // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. 2012. № 24–1. С. 12–16.*
- Крючков В. П. Русская литература XX века: М. Булгаков, Л. Андреев, Б. Пильняк, Е. Замятин: Учебное пособие. Саратов, 2020.*

- Махина В. В.* Особенности создания образа Иуды в повести Леонида Андреева «Иуда Искариот» // Формирование профессиональной компетентности филолога в поликультурной образовательной среде. Материалы I Международной научно-практической конференции / ред. И. Б. Каменской. Симферополь: Ариал, 2018.
- Макаров. Д. В.* Испытание Василия Фивейского: концепция человека в повести Л. Н. Андреева «Жизнь Василия Фивейского» // Слово и образ. Вопросы изучения христианского литературного наследия. 2021. № 3 (5). С. 30–62.
- Муратова. К. Д.* Рассказ Леонида Андреева «Полет» // Русская литература. 1997. № 2. С. 63–67.
- Мухутдинова Т. З, Кулагина Г. Н, Ячина Н. П, Икрамов А. Я.* Феномен русского мещанства: отношение М. Горького и Л. Андреева // Вестник Казанского технологического института. 2012. №9 (15). С. 308–310.
- Пирогова Т. О.* Мотив двойничества в повести Л. Н. Андреева «Иуда Искариот» // Научные и практические разработки в эпоху трансформаций: сборник докладов Международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 17 июля 2020 г. СПб., 2020. С. 18–24.
- Ширванова Э. Н., Гаджиева Р. М.* Образ Иуды Искариота в контексте канонического и апокрифического Евангелия в одноименной повести Леонида Андреева // Вестник Дагестанского государственного университета. 2018. №4 (33). С. 50–58.